

Владимир

Маяковский

о советском

патриотизме

и интернационализме

КОГДА Маяковский хотел сказать о самом важном, он чаще всего произносил одно слово — сердце. Везде, во всем у него — сердце. «На мне ж с ума сошла анатомия. Сплошное сердце — гудит повсеместно». Вот он пытается объяснить матери, что с ним происходит: «пожар сердца». Вот он исповедуется, как близка ему революция: «Это было с бойцами, или страной, или в сердце было в моем».

Поэт мечтал о всеветном братстве народов. Он представлял себе: все страны принесут свои дары. С чем же придет его Родина? «...Россия сердце свое раскрыла в пламенном гимне!»

Маяковский гордился обновленной Россией: «Вот она, Россия, моя любимая страна. Красная, только что из революции горнила».

Маяковский гордился Россией Ленина. Обрели всемирный смысл строки поэта: «Да будь я и негром преклонных годов и то, без унынья и лени, я русский бы выучил только за то, что им разговаривал Ленин».

И порой на чужбине Маяковского охватывала такая тоска по русскому снегу, по русской дороге, песне... «За-

ре. — Эй! Пуанкаре! возьми нас!.. Черта!»

Заостряя в полемике свой стих, Маяковский утверждал: «...Москва не как русскому мне дорога, а как огневое знамя!». Ничем не хотел он заслонить того, в чем видел «огневое знамя». Но разве Москва не была ему дорога и как «город чудный, город древний», сердце России!.. В Париже, тоскуя по Родине, Маяковский думает: «Я хотел бы жить и умереть в Париже, если б не было такой земли — Москва». Маяковский любил Москву. Сколько у него поэтических описаний Москвы, ее уголков... «Москва белокаменная, Москва камнекрасная всегда была мне мила и прекрасна», — признается поэт. Он видел, как «вторая Москва вскипает и строится». И снова, и снова возвращался мыслью к главному: «...бессоннен Кремль, и стены его зовут работать и торопиться, бросая со Спасской гимн боевой».

Огромную часть Советской страны Маяковский объездил с любовью, любопытством и пристальностью поэта, гражданина, хозяина. Живые приметы ее городов и весей вписались в просторы поэзии Маяковского; он знал родную землю.

Украины. В освобожденном и восстановленном Киеве, стоя на Владимирской горке, Маяковский радовался, видя пламенеющий «стыг червонный», видя, как «...киевская грудь гудит, котлами грета». Об Украине Маяковский всегда писал с задушевым лиризмом, ощущая кровное родство с землей Шевченко.

Всяческие проявления национальной спеси, как и национального нигилизма, поэт справедливо считал исчадием прошлого. Одной из мишеней сатиры Маяковского стал «национальный трутень» — порождение мещанской черни. С высот советского патриотизма Маяковский брал на себя «...право вот это — покрыть всею союзных совмещан. И ваших и русопетов».

В стихотворении «Долг Украине» Маяковский переосмысливает лирическое восклицание Гоголя «Знаете ли вы украинскую ночь?». Поэт вслушивается в «украинскую мову» и находит в ней замечательную красоту и силу: «Разучите эту мову на знаменах — лексиконах алых, — эта мова величава и проста: «Чуешь, сурмы заграли, час расплаты настав...». Так звучат украински слова «Интернационала». Маяковский хотел бы позаимствовать у этой

«ЧИТАЙТЕ, ЗАВИДУЙТЕ...»

Ст. ЛЕСНЕВСКИЙ

свистывай, трись, врежайся и режь сквозь Льежи и об Брюссели. Но нож и Париж, и Брюссель, и Льеж — тому, кто, как я, обрусели. Сейчас бы в сани с ногами — в снегу, как в газетном листе б... Свисти, заноси снегами меня, прихерсонская степь... Вечер, поле, огоньки, дальняя дорога, — сердце рвется от тоски, а в груди — тревога... Эх, раз, еще раз, еще много, много раз...»

Такие стихи как-то не связываются с привычным представлением о Маяковском. Он стеснялся подобных излияний. Даже вспоминая извечные мотивы русских песен, Маяковский сравнивает снег с газетным листом... Газета — голос революции.

Русский богатырский размах, русская удаль, русское сердце — во всем облике Маяковского. Но Россия и революция для него нераздельны. В революции и социализме узрел он нынешнее и будущее величие России.

В Киеве, на Владимирской горке, Маяковский загляделся на открывающиеся просторы: «Ширь во-всю — не вымчать и перу!». И вспомнились ему легенды и были истории, возникли невольные сопоставления... Но мысль поэта возвращается к главному. «Даже чуть зарусофильствовал от этой шире! Русофильство, да другого сорта. Вот моя рабочая страна, одна в огромном ми-

Россия дорога была Маяковскому как провозвестница освобождения всех народов: «Когда Октябрь орудийных бурь по улицам кровью лился, я знаю, в Москве решали судьбу и Киев и Тифлисов».

Руссии поэт не мыслил вне содружества советских народов, связанных общей исторической судьбой и общей исторической целью. Собственно, быть русским — означало для Маяковского также быть интернационалистом и советским патриотом.

Маяковский чутко схватывал национальное, особенное; многообразие стран, народов и городов доставляло ему наслаждение. «И вижу я — за столицей столица растет из безмерной силы Союза».

Во время гражданской войны Маяковский не раз в стихах выражал солидарность с борющимися против интервентов украинским народом. В одном из «Окон РОСТА» Маяковский возвещал: «Рабочие столицы, крестьяне окраины, слушайте с юга вздымающийся плач! Это над Киевом, над столицей Украины, тешится Пилсудский-палач». И звал рабочих и крестьян России на защиту и освобождение Украины. В годы восстановления народного хозяйства раздаются призывы Маяковского помочь возрождению Донбасса, шахт и заводов

«мовы»: «Я немало слов придумал вам, взвешивая их, одно хочу лишь, — чтобы стали всех моих стихов слова полновесными, как слово «чуешь».

«Трудно людей в одно истолочь, собой кичись не очень», — обращается Маяковский к читателю, с первых лет существования СССР приучая соотечественников бережно, уважительно, внимательно относиться к братским иноязычным культурам. И завершает стихотворение нацеливающими словами: «Знаем ли мы украинскую ночь? Нет, мы не знаем украинской ночи».

Конечно, с той поры неизмеримо расширились взаимные связи советских народов, их познания друг о друге, но и сегодня актуальна позиция Маяковского, звавшего к неустанному изучению бурно развивающейся жизни наших республик: «Поэты и писатели, где живая хроника городов и людей? Жизнь интереснее и сложнее поэтических и беллетристических книг о ней». Эти слова Маяковского прямо совпали с пожеланиями Горького советским писателям. Заветы основоположников нашей литературы воплотились с тех пор в стихах и прозе многих выдающихся мастеров.

Известно, что Маяковский с охотой подчеркивал «интернациональность»

своей родословной: «Я — дедом казак, другим — сечевик, а по рождению грузин».

Доброжелательство, открытость к людям разных языков, обычаев, культур Маяковский воспринял еще в Багдаде, в Грузии, в пору детства и отрочества. Маяковский хорошо говорил по-грузински, любил Грузию, он мог даже сказать: «Только нога ступила в Кавказ, я вспомнил, что я — грузин». 1905 год был взволнованно пережит Маяковским в Грузии, где он впервые стал свидетелем и участником единения людей разных национальностей в борьбе против царизма. Вся роскошь и необузданность грузинской земли сродни Маяковскому: «Я знаю: глупость — эдемы и рай! Но если пелось про это, должно быть, Грузию, радостный край, подражавали поэты». Близка была Маяковскому, как и Есенину, грузинская поэзия: «Я чту поэтов грузинских дар...». Но особенно тесно связана его муза с кавказской темой Пушкина, Лермонтова. Дух Мцыри и Демона осенял Маяковского при свидании с Грузией: «Мы общей лирики лента...». Однако Маяковский не был бы тем поэтом, каким мы его знаем, если бы и грузинская мелодия не вплелась у него в общую музыку советского патриотизма: «Двадцать, а может, больше веков волок угнетателей узы я, чтоб только под знаменем большевиков воскресла свободная Грузия. Да, я грузин, но не старенькой нации, забытой в ущелье в это. Я — равный товарищ одной Федерации грядущего мира Советов».

Исторический опыт национального строительства в СССР показывал, что путь к «грядущему миру Советов» идет через расцвет наций в единой семье советских народов, через образование новых, социалистических наций. Маяковский воспел красоту и человечность этого движения. «На сотни эстрад бросает меня, на тысячу глаз молодежи. Как разны земли моей племена, и разен язык и одежи!» — оглядывает поэт родную страну, словно бы заново открывая ее. Это революция, социализм открыли и подняли национальные силы творчества. «Используй, кто был безъязык и гол, свободу советской власти. Ищите свой корень и свой глагол, во тьму филологии влазьте», — зовет поэт. Как чудо, как возможность «ощупать бестелое слово «политика» воспринял Маяковский слышанные им переводы «Левого марша» на татарский, марийский, чувашский языки... В этом факте Маяковский увидел общую картину похода советских народов «на крепость культур».

В очерке «Рожденные столицы» Маяковский писал: «Прежде всего, самое название «провинция» дико устарело... города, волею революции ставшие столицами, растут, строятся, а главное, дышат самостоятельной культурой своей освобожденной страны».

Маяковский — в Баку. Он бывал здесь и раньше. Баку воспет в его стихах. «Если в будущее крепко верится — это оттого, что до краев изливается столицам в сердце черная бакинская густая кровь», — знает поэт. Возвращаясь в Баку, Маяковский замечает не только

то, что растет добыча нефти, но и то, что в рабочих поселках «исчезли чернота и дым».

Горделиво отмечает здесь Маяковский и рост самобытной национальной культуры за советские годы: «Это уже, — пишет он в очерке, — не сколок с московской культуры... Это столичная культура — экономического, политического и культурного центра Азербайджана». Вместе с тем Маяковский характеризует черты коренной общности культуры всех советских народов: «...это общность идей одного трудового человечества, на разных языках строящего одну коммунистическую культуру».

Реальность единения советских народов Маяковский запечатлел в поэтическом образе: «Союз Советских Республик — это не политическая формула. Это жизнь тела территорий и наций со светлыми и особенными головами столиц».

Вот эта высота точки зрения, политическая и поэтическая одновременно, эта безупречность интернационалистической позиции давали Маяковскому право обратиться в стихотворении «Нашему юношеству» с призывом, лишенным и тени высокомерия: «Товарищи юноши, взгляды на Москву, на русский вострите уши!» Потому что, обращаясь с этим воззванием ко всем национальностям СССР, Маяковский писал о Москве как знамени интернационализма, о русском языке как о том языке, на котором «разговаривал Ленин». Маяковский утверждал таким образом глубочайшие основы дружбы народов СССР.

Гуманистическую поэзию братства народов Маяковский нашел в марксизме-ленинизме. «Нельзя борьбе в племена

рассекаться», — понял он. Да, в условиях буржуазного мира нелегко переводить «красовый гнев на классовый». Но это необходимо, чтобы рассеять «зверь сплетни» расизма. Образование и упрочение СССР сыграло решающую роль в подходе Маяковского к проблемам национальной гордости и интернациональной солидарности народов.

Поэзия Маяковского питалась духом пролетарского интернационализма как одной из органических черт советского мироощущения. В своей любви к угнетенным мира Маяковский перевоплощался, он чувствовал себя тем, о ком писал. «Нищая Германия, позволь мне, как немцу, как собственному сыну, за тебя твою расплещить боль», — обращается поэт к Германии. «Ваша радость — наша радость, боль — это наша боль и горе», — пишет он английским рабочим. «На всех баррикадах мы ваши союзники, рабочий Крезе, и рабочий Рено», — заверяет он пролетариев Франции. Словно вселившись в бедного негра, Маяковский рассказал нам о жизни чистильщика Вилли («Блек энд уайт»). Лучшим своим стихотворением назвал Маяковский сообщение о новой победе революции в Китае, и вместе с ярославскими рабочими он тогда рукоплескал «незнаемым и родным китайским кули».

Маяковский умел уважать, любить и ценить чужое, далекое, неизвестное. «На хорошее и мне не жалко слов». Маяковский изучал буржуазный мир взглядом революционера. Ощущал себя в нем посланцем из будущего, хранил достоинство поэтического полпреда СССР. Но оставил часть своей души и в сером, будничном Нью-Йорке, и в пестрой, яркой Мексике, и особенно в Париже, который освещен неподдельным «пожаром сердца» Маяковского..

В конце 1924 года Маяковский присутствовал на церемонии подъема Государственного флага СССР над первым советским посольством в Париже. То был удивительно волнующий момент. «Для этого мила Буденный месил, гоня белых ораву». И «вот мы — с пятьдесят — стоим на пяди Советской посольской земли». Гремит пролетарский гимн, «в серпе и молоте ситцевый стяг... развился в ветре и стал пламениться, зажег облака, поднебесье зажег». Чувством советской национальной гордости вдохновлены стихи Маяковского об этом событии.

Вместе с тем Маяковский, убежденный ленинец, не принимал левацких идей «экспорта революции», навязывания советского образа жизни иным странам и народам. Стяг с серпом и молотом, по словам поэта, призывал: «На всей планете, товарищи люди, объявите: войны не будет!».

Маяковский утверждал непримиримую противоположность советского патриотизма и буржуазного национализма. «Перед нашею республикой стоят богатые. Но как постичь ее? И вопросам разнедоуменным нет числа: «что это за нация такая «социалистичья», и что это за «соци-алистическое отечество?» — писал Маяковский в поэме «Хорошо!». Торжествующим, державным ответом на эти вопросы было все его творчество.

«Хорошо» Маяковского — советской нови и его гневное «плохо» — всему, что «в нас ушедшим рабым вбито», произошло из одного патриотического и революционного истока. «Я землю эту люблю», — разносили на весь мир слова поэта. И он подтверждал их каждодневным «чернорабочим» поэтическим трудом на благо социалистической Родины.

С ясным историческим пониманием Маяковский славил Коммунистическую партию как цементирующую основу могущества всех советских народов, сплоченных в СССР. «Партия — это миллионов плечи, друг к другу прижатые туго. Партией стройки в небо взмечем, держа и вздымая друг друга».

Маяковский воспевал СССР как прообраз братского единения всех народов нашей планеты. Он провидел расширение социалистического содружества. Сбудутся же, мечтал поэт, надежды людей: «Чтоб вся на первый крик: — Товарищи! — оборачивалась земля».

Маяковский стал великим поэтом новой исторической общности людей — советского народа: «...главное в нас это — наша Страна советов, советская воля, советское знамя, советское солнце».

Зацитированные, заученные, казалось бы, до «хрестоматийного глянца», свежо и молодо произносятся сегодня на всех языках народов СССР крылатые строки поэта:

Читайте,
завидуйте,
я —
гражданин
Советского Союза.

К. БАШАРОВ (Ташкент). «Ленин с нами».